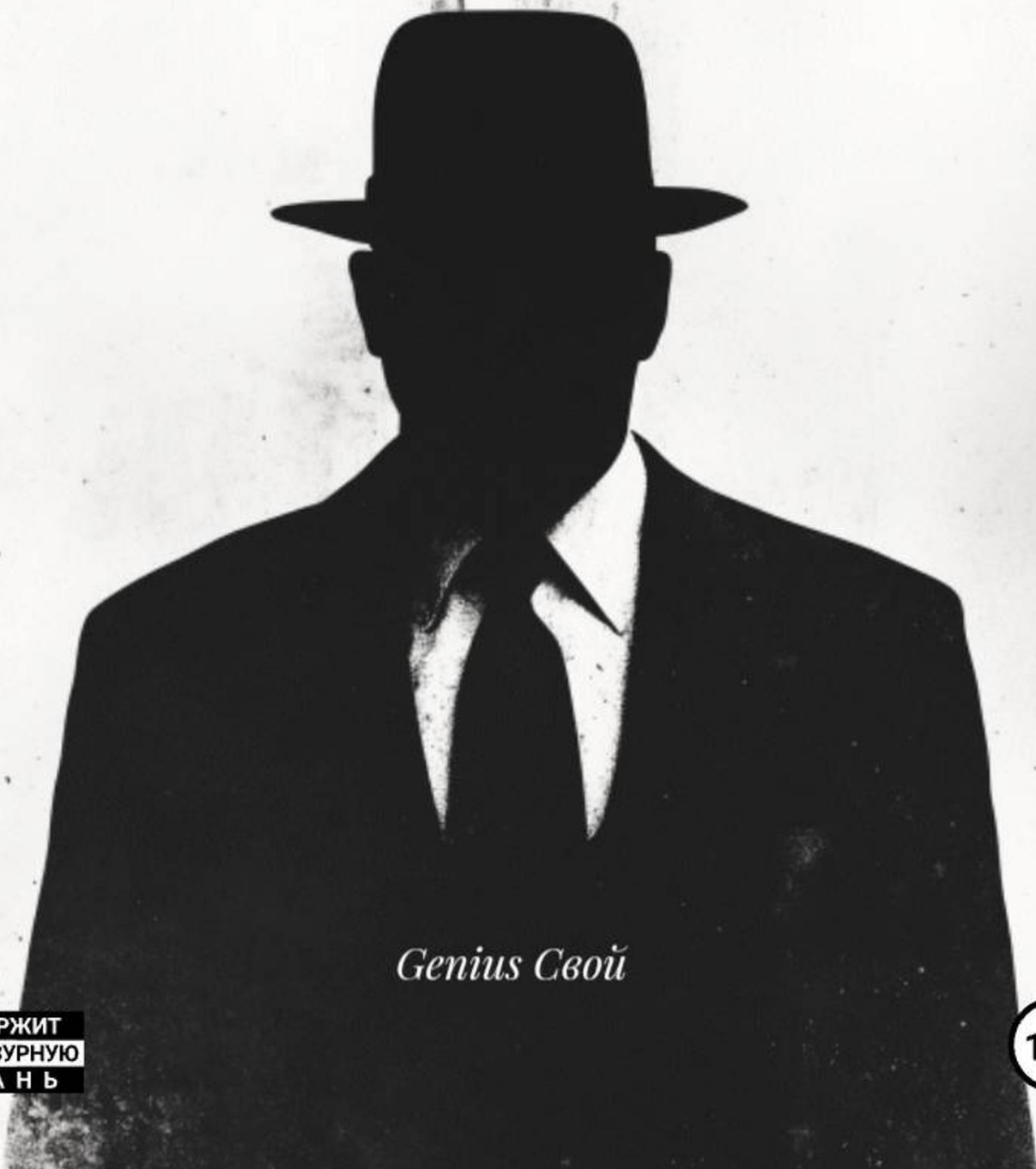

Турист

Genius Свой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Genius СВОЙ

Турист

«Автор»

2026

Свой Г. Ч.

Турист / Г. Ч. Свой — «Автор», 2026

Алексей Волков, бывший офицер спецназа, приехал в Париж в отпуск. Он не искал приключений — всего лишь сидел на лавочке с плохим кофе и пытался ни во что не вмешиваться. Но когда у Стены любви пятеро парней начали заливать краской признания на трёхстах языках, а толпа вокруг просто стояла и смотрела, — он вмешался. Одно видео сделало его знаменитым. Теперь он — «Le Russe», герой Монмартра. Но у славы есть обратная сторона: им интересуются не только журналисты, но и люди, которым не нужны чужаки, задающие неудобные вопросы. Отпуск заканчивается. Начинается игра, правил которой он не знает.

© Свой Г. Ч., 2026

© Автор, 2026

Genius Свой Турист

Глава 1.

Жан-Пьеру Дювалю было семь лет, когда он впервые понял: мир состоит из «нас» и «них».

За обеденным столом, накрытым крахмальной скатертью с монограммой, сидело четыре поколения. За окном — воскресный Париж, притихший, с мокрыми после утреннего дождя тротуарами. Солнце пробивалось сквозь шторы робко, словно извиняясь за вторжение. В комнате пахло жареной уткой, тимьяном и чужими ожиданиями.

Дед держал бокал так, будто это был микрофон на митинге.

— Русские, — произнёс он, и это слово упало на стол, как приговор, — никогда не были союзниками. Они понимают только силу. Запомни это, мальчик.

Мальчик кивнул, не поднимая глаз от тарелки. Соус расплывался оранжевой лужей, напоминающей карту далёкой страны. Он водил по ней вилкой, прочерчивая границы, и думал: русские — это где-то там, за краем тарелки, за окном, за горизонтом. Они не едят утку по воскресеньям. Они вообще не люди, а тени, огромные и молчаливые, как фигуры с плакатов, которые он видел у метро.

Отец поддакнул. Мать промолчала — она всегда молчала, когда говорили мужчины. Дед продолжал. К тому моменту, когда подали сыр, Жан-Пьер уже знал: русские виноваты во всём. В холодной войне. В кризисе. В том, что Франция больше не та. В том, что дед так и не стал министром. В том, что отец пьёт больше, чем следует.

— Не доверяй им, — резюмировал дед, разламывая бри. — Никогда.

Жан-Пьеру было семь, и он запомнил.

Ему было двенадцать, когда в школе появился мальчик из России. Андрей — бледный, плохо говорящий по-французски, с вечно испуганными глазами. Жан-Пьер первым назвал его «советским». Первым толкнул на перемене. Первым рассмеялся, когда Андрей упал в лужу, прямо в своём нелепом пальто с чужого плеча.

— Молодец, — сказал дед за ужином, когда Жан-Пьер похвастался. — Правильно. Они должны знать своё место.

Мать снова промолчала. Но в этот раз Жан-Пьер заметил, как дрогнул уголок её губ. Он не понял, что это — жалость или одобрение. Ему было всё равно.

Ему было двадцать пять, когда он поступил в полицию. Деда уже не было в живых, но его голос звучал в голове каждый раз, когда Жан-Пьер сталкивался с русскими фигурантами. А сталкиваться приходилось часто. Париж девяностых был полон русской речи — в ресторанах, в порту, в сводках происшествий. Дюваль вёл дела жёстко. Коллеги уважали: у этого парня нет иллюзий, особенно насчёт восточных.

— Ты как собака, Дюваль, — пошутил однажды напарник. — Чуешь русского за километр.

— За два, — ответил Дюваль без улыбки.

Ему было тридцать пять, когда он впервые задумался, что что-то не так. Русский эмигрант, которого он вёл по делу о краже, оказался невиновен. Дюваль потратил три месяца, чтобы доказать это. Когда он сообщил парню, что обвинения сняты, тот не обрадовался. Просто посмотрел с ненавистью и сказал: «Вы такие все. Сначала вешаете, потом извиняетесь».

Дюваль хотел ответить: «Я не извиняюсь. Я делаю свою работу». Но не ответил. В тот вечер он купил бутылку вина и выпил её в одиночестве, сидя у окна с видом на Сену. Огни дрожали на воде, как разбитые обещания. Где-то на другом берегу играл аккордеон — туристы

аплодировали. Он думал о деде, об отце, о воскресных обедах и о том, что ненависть — это наследство, от которого невозможно отказаться. Оно просто лежит в тебе, как старая мебель. Можно переставить, но выбросить нельзя.

Ему было сорок пять, когда он стал комиссаром. Ему было пятьдесят три, когда в Париже появился русский, перевернувший всё. Но пока — пока было утро пятницы, и комиссар Дюваль ещё не знал, что к вечеру у него начнется жизнь, которой суждено будет помять его.

Утро комиссара Дюваля началось в шесть сорок семь. Не в шесть сорок пять и не в семь — именно в шесть сорок семь. Он просыпался в это время последние одиннадцать лет, с тех пор как появился новый сосед сверху. В доме с тонкими стенами, сосед сверху ровно в шесть сорок пять ронял на пол что-то тяжёлое — возможно, гантелю, возможно, совесь.

Дюваль полежал минуту, глядя в потолок. Потолок был старый, с лепниной, которая пошла трещинами, как высохшее русло реки. Квартира досталась ему от матери — она умерла пять лет назад, так и не сказав того, что он ждал от неё всю жизнь. Чего именно — он и сам не знал.

Он встал, сунул ноги в разношенные тапки, прошёл на кухню. Кухня была маленькая, четыре квадратных метра, заставленная так, что повернуться можно было только боком. На плите — турка, старая, медная, с деревянной ручкой, которую он купил в Стамбуле лет пятнадцать назад, когда летал туда по делу об экстрадиции. Дело он проиграл, а турка осталась.

Кофе он варил долго, на маленьком огне, помешивая серебряной ложкой — единственной вещью, доставшейся от деда. Ложка была с вензелем, буква «D» почти стёрлась. Пенка поднялась трижды, как положено. Он перелил кофе в чашку, взял круассан — вчерашний, уже не хрустящий, но ещё съедобный — и сел к окну.

Окно выходило во внутренний двор-колодец. Серые стены, верёвки с бельём, голубятня на карнизе. Голуби ворковали — мерзкий, утробный звук, который он ненавидел, но к которому привык, как привыкают к шраму.

Телефон на столе завибрировал. Сообщение от Лоранс, его бывшей жены: «Заберёшь Эмиля в субботу? У меня конференция в Лионе». Он прочитал, не ответил. Эмилю было шестнадцать, он красил волосы в зелёный и называл отца «динозавром». Дюваль не спорил — он и чувствовал себя динозавром, древним и неуместным, как та лепнина на потолке.

К семи двадцати он уже был одет: тёмно-серый костюм, белая рубашка, галстук, который он не затягивал до конца — шея не любила удавок. Плащ перекинул через руку: синоптики обещали дождь, а он доверял синоптикам больше, чем политикам.

Участок на набережной Орфевр, 36, встретил его запахом мокрой штукатурки и старого кофе. Здание было историческим, что на языке чиновников означало «разваливается, но денег на ремонт нет». В лифте, как всегда, мигала горела лампочка, которую не меняли с прошлого года. Дюваль поднялся пешком на четвёртый этаж — не из любви к спорту, а потому что лифт застревал через раз.

В приёмной уже сидел посетитель. Молодая женщина, лет тридцати, с зажатой между колен сумкой и лицом человека, который не спал неделю. Рядом с ней — мальчик, возраста Эмиля в детстве, с таким же настороженным взглядом.

Дюваль кивнул дежурному:

— Кто такие?

— Мадам Ришар. Пропал муж. Третий день. Наши не хотят открывать дело — говорят, мало времени прошло. Но она уже третье утро здесь. Сидит и ждёт.

— Почему ко мне?

— Сказали, что вы берёте «висяки».

Дюваль поморщился. Он не брал «висяки» — он просто не отказывал, когда видел, что дело можно раскрыть, а остальным лень. Это создало ему репутацию человека, который берёт

«висяки». Репутация, как он давно понял, — это то, что придумывают о тебе другие, пока ты занят делом.

Он подошёл к женщине. Она подняла глаза — красные, воспалённые.

— Мадам Ришар?

— Да, мсье.

— Пройдёмте.

В кабинете — тесном, с видом на Сену, если встать на цыпочки и выглянуть в угол окна, — она рассказала. Муж, Клод Ришар, сорок два года, бухгалтер в страховой компании. В среду не вернулся с работы. Телефон отключён. Друзья не знают. Полиция не ищет — «взрослый человек, имеет право».

— Он пил? — резко спросил Дюваль.

— Нет. Вообще. Он был... — Она запнулась. — Он очень правильный. Слишком.

— Слишком правильные не пропадают, мадам — заметил Дюваль.

Она кивнула, и по щеке скатилась слеза — одна, быстрая, как будто спешила.

— Я посмотрю, — сказал Дюваль. — Оставьте адрес, телефон, фотографию. Если что-то узнаю — позвоню.

Когда она ушла, он открыл фото. Клод Ришар смотрел с паспортного снимка — круглое лицо, залысины, улыбка человека, который никогда никого не обманывал. Дюваль вздохнул и придвинул клавиатуру.

Бухгалтер страховой компании. Сорок два года. Пропал в среду. Последний звонок — жене, в обед, сказал, что задержится на работе. Но на работе его не видели после пяти.

Дюваль пробил номер через базу. Последний сигнал телефона — район Барбес, в среду вечером. Барбес был местом, куда бухгалтеры страховых компаний не ходят. Там торгуют поддельными сумками, наркотиками и надеждами.

— Значит, не такой уж правильный, — пробормотал Дюваль.

Он запросил записи камер с перекрёстка. Ждать пришлось час. За это время он успел просмотреть сводку происшествий за ночь: три ограбления, одно ДТП с участием дипломата, драка в баре на Пигаль, обнаружение трупа в канале Сен-Мартен — мужчина, около сорока, без документов.

Сердце кольнуло. Он открыл фото Клода Ришара. Сравнил с ориентировкой из сводки. Не совпадало: у трупа была татуировка на предплечье, а Клод Ришар, со слов жены, боялся иголок.

Выдохнул.

Камеры пришли через полтора часа. На записи — зернистой, дёрганой — Клод Ришар выходил из метро «Барбес» и шёл в сторону бульвара де ля Шапель. Рядом с ним — мужчина в тёмном. Лиц не разобрать, но видно, что они разговаривают. Спокойно. Как знакомые.

Дюваль увеличил. Мужчина в тёмном — выше, шире в плечах. Клод Ришар что-то передал ему. Конверт? Деньги? Документы?

В дверь постучали.

— Войдите.

Лейтенант Моро — тот самый молодой, с прилизанными волосами и амбициями размером с Эйфелеву башню — просунул голову.

— Комиссар, там сводка за утро. Ограбление на Елисейских, драка на Монмартре...

— Я занят! — резко прирвал его Дюваль.

— Это займёт минуту. Там ещё видео какое-то вирусное. Про русского, который...

— Потом, Моро. — Дюваль даже не поднял головы. — Положи на стол.

Моро положил и вышел, тихо прикрыв дверь. Дюваль ещё час работал по делу Ришара. Он обзвонил больницы, морги, участки в соседних округах. Ничего. К полудню он знал о Клоде

Ришаре больше, чем его жена за пятнадцать лет брака: тихий, незаметный, без долгов, без любовниц. Но что-то тянуло его в Барбес. Что-то или кто-то.

К двум часам он сделал то, что делал всегда, когда расследование упиралось в стену, — вышел пройтись.

Набережная Сены в послеполуденный час была полна туристов и голубей — две категории существ, одинаково бестолковых и одинаково живучих. Дюваль купил сэндвич в киоске — ветчина, сыр, масло, никаких излишеств — и сел на скамейку напротив Нотр-Дама. Собор всё ещё стоял в лесах после пожара, и вид у него был такой, будто он терпеливо ждёт, когда люди перестанут суетиться и оставят его в покое.

Дюваль ел и думал. Клод Ришар. Барбес. Человек в тёмном. Что-то не складывалось — не хватало детали, крошечной, как трещинка в лепнине.

Он вернулся в участок в четвёртом часу. Моро снова сунулся в кабинет, но Дюваль выставил ладонь:

— Позже Моро.

Он запросил расширенную выборку по номеру Ришара — входящие и исходящие за месяц. Ответ пришёл быстро: два-три звонка в день, обычные номера. Кроме одного. За неделю до исчезновения Клод Ришар пять раз звонил на номер, зарегистрированный скорее всего на подставное лицо. Сим-карта, навряд ли, куплена в табачном киоске в Барбесе.

— Вот оно, — прошептал Дюваль.

Он пробил сим-карту. Ещё три номера, на которые звонили с неё, — и все три всплывали в старых делах отдела по борьбе с наркотиками. Мелкие сошки, распространители. Никого крупного.

Клод Ришар, тихий бухгалтер, каким-то образом влез в наркотики. Не как потребитель — как что-то другое. Может, курьер. Может, должник. Может, свидетель.

Дюваль откинулся в кресле. За окном садилось солнце, окрашивая Сену в розовое с золотом. Париж готовился к вечеру — городу было всё равно, что какой-то бухгалтер пропал и что какой-то комиссар ищет его уже шесть часов.

В седьмом часу, когда Дюваль уже собирался домой — Эмиль прислал сообщение: «Пап, у меня завтра футбол, придёшь?», и он ещё не ответил, — в дверь снова постучал Моро.

— Комиссар, извините, но вы просили положить на стол.

— Что именно?

— Сводку. И видео.

— Ах да. — Дюваль потянулся к стопке бумаг. — Что за видео?

— Да там русский какой-то. На Монмартре. Разогнал пятерых, которые Стену любви портили. Одного вырубил, остальные сдались. В сети уже миллион просмотров.

Дюваль замер. Русский. Монмартр. Снова.

— Покажи.

Моро развернул ноутбук. Видео было снято на телефон — трясущееся, с нервными комментариями за кадром. Но картинка говорила сама за себя.

Мужчина, лет тридцати пяти. Короткая стрижка. Лицо без особых примет, кроме глаз — даже через зернистую запись было видно, как они работают: сканируют пространство, оценивают угрозы, считают шаги.

Дюваль знал этот взгляд. Он видел его раньше — у военных, у профессионалов, у людей, которые не играли в героев, а просто делали свою работу.

Движение — короткое, без замаха. Парень рухнул. Ещё секунда — и остальные отступили. Русский даже не запыхался.

— Поставь на паузу.

Моро замер.

Дюваль смотрел на стоп-кадр. Русский стоял на фоне синей керамики, залитой закатным солнцем. На стене — сотни признаний в любви на сотнях языков. И один человек, который защитил их все.

— Русский, — произнёс Дюваль, пробуя слово на вкус.

— Да, *Le Russe*, — подхватил Моро. — Уже прозвище придумали.

Дюваль молчал. Где-то глубоко — там, где ещё жил семилетний мальчик за воскресным столом, — шевельнулась старая, знакомая неприязнь. Русский. Вечно они суются везде. Сейчас начнёт давать интервью, улыбаться в камеру, качать права.

Но мальчик промолчал. А мужчина — пятидесятирехлетний комиссар Дюваль — просто закрыл ноутбук.

— Завтра найди его, — сказал он. — Я сам с ним поговорю.

— Вы думаете, он опасен?

— Я думаю, — Дюваль встал, накинул плащ, — что он тот, с кем следует поговорить.

Он вышел из кабинета. В коридоре пахло приближающейся грозой. Где-то далеко — на Монмартре или, может, уже в сети — русский становился героем, ещё не зная, что быть героем во Франции — это приговор с отсрочкой исполнения.

Дюваль спустился по лестнице — лифт всё ещё не работал, — вышел на набережную. Сена текла, как текла всегда: равнодушная, серебряная, не помнящая ни воскресных обедов, ни войн.

Он достал телефон, нашёл сообщение от Эмиля: «Пап, у меня завтра футбол, придёшь?»

Написал: «Приду». Сунул телефон в карман и пошёл домой — старый, усталый комиссар, который ещё не знал, что русский, защитивший Стену любви, через три месяца заставит его выбрать между ненавистью длиною в жизнь и его мечтой.

Вечер на Монмартре. За три часа до видео. Алексей сидел на скамейке в тридцати метрах от Стены любви и пил остывший эспрессо из бумажного стаканчика. Кофе был отвратительный — горький, пережжённый, с привкусом кипячёного молока, которое добавили, кажется, из жалости. Он купил его в ларьке у подножия холма и теперь жалел, что не выбросил сразу. Но Париж вокруг был прекрасен.

Тот особенный июльский вечер, когда воздух кажется золотым, а тени — длинными и резкими, как на гравюрах старых мастеров. Базилика Сакре-Кёр плыла над холмом, белая и недосыгаемая, похожая на сахарный дворец из детской сказки. Уличный гитарист играл «*Sous le ciel de Paris*» — слишком очевидно, по-туристически, но всё равно цепляло за живое.

Алексей думал о том, что Париж пахнет не так, как Москва. Москва пахнет надеждой. Париж — сыростью, круассанами и равнодушием. Красивое равнодушие, подумал он. Самое честное.

Семь лет в отряде «Альфа». Две чеченские командировки. Десятки операций, которые не снились сценаристам боевиков. А теперь он здесь — греется на солнышке, как старый кот, и пытается не вспоминать. Особенно последнюю операцию. Получалось плохо.

Он смотрел на пятерых у Стены и чувствовал, как внутри просыпается что-то знакомое — холодное, собранное, оценивающее дистанцию и количество противников. Он видел такое и раньше. В другом контексте, в других городах, на других улицах. Молодые, злые, уверенные в своей безнаказанности. У каждого поколения — свои вандалы, но повадка одна и та же.

Тот, с баллончиком, уже поднял руку, чтобы залить краской строчку на иврите. Кто-то из толпы крикнул — по-французски, возмущённо, но никто не двинулся с места. Алексей отвёл взгляд.

Не твоё дело, — сказал он себе. Голос был спокойный, рассудительный, голос человека, который выжил там, где выживать не положено, именно потому, что не лез в чужие драки. Ты в чужой стране. Ты турист. У тебя нет документов прикрытия, нет дипломатического иммуни-

тета, нет даже медицинской страховки. Один удар — и депортация, или того хуже. Тебя убьют. Сиди и пей свой поганый кофе. Он сделал глоток. Кофе и правда был поганый.

Но был и другой голос. Он звучал тише, но глубже — не в голове, а где-то в груди, там, где до сих пор жили воскресные обеды его собственного детства, наставления отца, молчаливое одобрение матери, слова деда-фронтовика, которые он впитал раньше, чем научился читать.

Там, на этой стене, люди признавались в любви. Триста языков. Тысячи имён. Кто-то приехал сюда из другой страны, чтобы написать одно-единственное слово на родном языке. Кто-то сделал предложение, стоя на этом самом месте. Кто-то плакал, читая чужую надпись, потому что она напомнила ему о том, кого больше нет. А теперь пятеро щенков заливают это краской просто потому, что им скучно. И ты будешь сидеть? Ты, Алексей Волков, сын своего отца, внук своего деда? Ты будешь сидеть?

Это не твоя война, — сказал первый голос.

Война — это чувства сотен, а может и тысячи людей, чья-то надежда, чье-то прошлое на трех ста языках. А ты будешь сидеть и делать вид что не видишь этого?

Алексей допил кофе. Смял стаканчик. Бросил в урну. И встал. Он подошёл не быстро. У него была особая походка — экономичная, без лишних движений, будто тело заранее знало, куда встать и как повернуться. Годы тренировок превратили это в инстинкт: он не шёл, а втекал в пространство, занимая его раньше, чем противник понимал, что оно уже занято.

— Убери баллон, — сказал он по-французски. Акцент был замечен, но лёгок — не тот акцент, над которым смеются, а акцент русского, с которым лучше не шутить.

Парень с баллончиком обернулся. Ему было лет девятнадцать. Лёгкая щетина, прыщи на лбу, глаза — пустые, как у того, кто уже решил, что мир ему должен, но ещё не понял, сколько именно.

— Чего?

— Баллон. Убери. И уходите.

— Ты кто такой? Охранник? — Он хмыкнул, оглядываясь на своих. Те подошли ближе. Пятеро на одного. Классика уличной драматургии.

Алексей молчал. Он стоял в странной позе — расслабленной на вид, но закрывающей центр тяжести. Руки опущены, плечи не напряжены. Со стороны казалось, что он просто ждёт автобус.

Второй, тот что с маркером, сделал шаг. Он был крупнее — бывший спортсмен, пошедший в разнос. Такие бьют первыми, не предупреждая.

— Слушай, турист, шёл бы ты...

Договорить он не успел. Алексей не бил эффектно. Он вообще не бил в привычном смысле — с замахом, с криком, с эмоцией. Его тело просто сместилось на полшага, рука пошла вверх короткой дугой, и основание ладони встретилось с челюстью ровно в той точке, где нервы ближе всего к кости. Звук был сухой и негромкий — будто треснула ветка под ногой. Парень рухнул мешком. Толпа ахнула. Кто-то зааплодировал. Телефонов стало больше.

Оставшиеся четверо замерли. Тот, с баллончиком, всё ещё сжимал его, но краска уже капала на брусчатку красными кляксами, похожими на кровь. Алексей не двигался. Он смотрел не на баллончик — в глаза. И в его взгляде не было ни злобы, ни азарта. Только спокойная, почти скучающая уверенность человека, который точно знает, чем закончится дело.

— Баллон, — повторил он тихо.

Парень разжал пальцы. Баллончик покатился по брусчатке, выстукивая неровную дробь. Через три минуты приехала полиция. Через десять минут кто-то выложил видео в сеть. Через час Париж знал: на Монмартре появился русский, который защитил Стену любви голыми руками пока другие стояли и возмущались.

Глава 2.

Видео разошлось к утру. К полудню его посмотрели два миллиона. К вечеру — пять. Алгоритмы подхватили, разрезали на клипы, наложили музыку, замедлили момент удара — тот самый, когда основание ладони встретилось с челюстью, и звук вышел сухой, будто треснула ветка. Кто-то уже назвал его «Le Russe» — просто «Русский», без имени, как стихийное явление. В комментариях спорили: спецназ или бандит? Герой или провокатор? И почему, чёрт возьми, никто из парижан не вступился, пока какой-то иностранец не сделал за них работу?

Алексей не читал комментариев. Он сидел в дешёвом отеле на улице Коленкур, в номере с обоями цвета выцветшей лаванды и окном, которое выходило на глухую стену соседнего дома. Стена была серая, в подтёках, и напоминала карту местности, которой не существует. В номере пахло пылью, старым табаком и ещё чем-то — возможно, одиночеством, у которого, как он давно заметил, есть свой специфический запах.

На кровати лежал раскрытый чемодан. Вещей было мало: пара футболок, джинсы, старая кожаная куртка, которую он таскал ещё с нулевых, — та самая, в которой прошёл половину Чечни и все московские вокзалы. В боковом кармане — фотография, которую он никому не показывал. На тумбочке — паспорт, бумажник, ключи от номера. Всё, что он накопил за тридцать шесть лет.

Телефон звонил не переставая. Журналисты вычислили отель — кто-то из персонала сдал за полтинник, а может, и за двадцать, судя по скорости. Алексей не брал трубку. Он стоял у окна и смотрел, как дождь моет черепичные крыши, скатываясь по ним серебряными змейками. Дождь начался ночью и шёл до сих пор — мелкий, нудный, парижский, который не льёт, а сочится, проникая всюду: под одежду, под кожу, под настроение.

Он думал о вчерашнем. Не о драке — драка была рутинной. О толпе. О том, как десятки людей стояли, смотрели, возмущались — и не сделали ни шага. Он знал это явление: эффект свидетеля, диффузия ответственности, классика социальной психологии. Но одно дело — знать, другое — видеть. Другое — стоять в тридцати метрах от Стены, на которой триста языков признавались в любви, и наблюдать, как целая площадь ждёт, чтобы кто-то другой решил за них, что такое хорошо и что такое плохо. Он не осуждал их. Он просто не понимал. И, наверное, никогда не поймёт.

В дверь постучали — три удара, чётких, полицейских. Не вопрос, а утверждение: мы знаем, что вы здесь, открывайте.

— Открыто — спокойно ответил Алексей.

Вошли двое. Первый — молодой, подтянутый, с прилизанными волосами и таким выражением лица, будто он только что выиграл спор с зеркалом. На вид — лет тридцать, не больше, но уже с той особой полицейской осанкой, которая говорит: «Я здесь власть». Второй — постарше, грузный, в мятом плаще, который явно помнил лучшие времена, возможно даже до президентства Миттерана. Серебряная прядь в тёмных волосах, тяжёлый подбородок, глаза — как два гвоздя, забитых глубоко и намертво. Он вошёл и сразу занял собой половину номера, хотя был невысок.

— Мсье... — молодой заглянул в блокнот, — Волков?

— Он самый, — Алексей не обернулся.

— Комиссар Дюваль, — сказал старший, и в его голосе было что-то такое, что заставило молодого замолчать на полуслове. — Лейтенант Моро. Вы вчера устроили самосуд на Монмартре.

— Я остановил пятерых придурков, которые хотели испортить памятник.

— Это работа полиции.

— Полиции там не было.

Дюваль помолчал. Моро уже открыл рот, чтобы вставить что-то про протокол, про превышение самообороны, про статью такую-то, но комиссар остановил его движением пальца — лёгким, почти ленивым, но безоговорочным.

— Оставьте нас, Моро.

— Но, мсье...

— Я с-к-а-з-а-л — оставьте. Идите в машину. Проверьте сводку по Барбес.

Моро вышел с видом побитой, но не сломленной собаки. Дверь закрылась — тихо, в отличие от того, как открывалась.

В номере стало слышно дождь. Он барабанил по жестяному отливу — неровно, как начинающий барабанщик, который ещё не выучил ритм.

Дюваль оглядел номер. Чемодан. Фотография — уголок торчит из кармана куртки. Паспорт. Ни следа богатства, ни следа тщеславия. Он видел сотни таких номеров — временных убежищ людей, которые не пускают корней. Такие люди либо в бегах, либо в поиске. Либо и то и другое сразу.

— Вы русский, — сказал он наконец, и в его голосе Алексей уловил странную интонацию. Не враждебную, но и не тёплую. Изучающую. Как будто Дюваль произносил это слово, чтобы попробовать его на вкус — как пробуют незнакомое вино, ещё не решив, нравится оно или нет.

— Да.

— Спецназ?

— Бывший.

— Какое подразделение?

Алексей наконец обернулся. Взгляды встретились. Два профессионала, два человека, которые видели смерть с разных сторон баррикад — и узнали друг друга мгновенно, как узнают запах пороха даже в дорогом парфюме.

— Это имеет значение?

— Для протокола — нет. Для меня — да.

Дюваль смотрел взглядом проникающим насквозь. Лицо неподвижное. Казалось, мышцы его лица атрофировались в районе скул и рта и теперь могли только сжиматься в желваки. Но глаза жили отдельной жизнью — цепкие, внимательные, как два объектива, которые одновременно снимают и анализируют. Глаза человека, который тридцать лет смотрел на худшее, что есть в людях, и всё ещё почему-то не разучился удивляться.

— «Альфа», — сказал Алексей.

Дюваль кивнул — коротко, почти незаметно. Он знал это название. Знал, что оно означает. Знал, что люди из «Альфы» не выходят на пенсию в Париж пить кофе и греться на солнышке. Они либо продолжают работать на государство, либо прячутся от него. Третьего не дано.

— Давно в Париже?

— Третий месяц.

— Цель визита?

— Отдых.

— Три месяца? — Дюваль позволил себе тень сомнения, и эта тень была тяжелее, чем прямой вопрос.

— Торопиться некуда.

Дюваль подошёл к окну. Встал рядом. Он был ниже Алексея на полголовы, но держался так, будто занимал больше места, чем ему положено физически. От него пахло кофе, дождём и чем-то ещё — может, старыми бумагами, может, одиночеством, у которого нет национальности.

— Послушайте, Волков. Вчера вы стали национальным героем. Это проблема.

— Почему?

— Потому что Франция любит героев. — Дюваль смотрел на дождь, на серую стену напротив, на голубей, которые жались к карнизу, спасаясь от воды. — А потом съедает их.

Особенно если герой — иностранец. Особенно если русский. У нас долгая память и короткая благодарность.

Алексей хмыкнул:

— Так вы защитите меня пришли или предупредить?

— Я пришёл посмотреть. — Дюваль повернулся и теперь смотрел прямо, без дипломатии. — Кто вы такой. Потому что через час мэр будет пожимать вам руку, а через месяц вы либо сядете за решётку за превышение самообороны. Я хочу знать заранее — что еще могу от Вас ждать.

В комнате повисла пауза — долгая, как мост через Сену в тумане. Дождь за окном набирал силу.

— Знаете, комиссар, — сказал наконец Алексей, и голос его был тих, но не тише дождя, — я воевал в двух кампаниях. Я терял людей. Я сидел в засадах по трое суток без сна. Я делал вещи, за которые меня, наверное, осудят на Страшном суде, если он существует. Но я никогда, ни разу, не делал ничего ради славы. Мне не нужна ваша рука. А Вам?

— Что — я?

— Вы не могли пройти мимо. Вы пришли сюда не потому, что я русский. Вы пришли, потому что увидели видео и поняли: что-то не сходится. Человек с такой подготовкой не должен сидеть на лавочке в Париже и пить кофе. И вы захотели узнать — почему. Хотите поймать шпиона?

Дюваль молчал. Желваки двигались — медленно, как жернова. Он не привык, чтобы его читали. Он сам всегда читал других.

— Вы опасный человек, Волков.

— Я знаю.

— Но, человек.

— Это зависит от того, с какой стороны смотреть.

Дюваль взял со стола паспорт Алексея — аккуратно, двумя пальцами, как берут вещь, которая может оказаться уликой. Открыл. Посмотрел на фотографию, на дату рождения, на штампы. Вернул на место.

— Завтра вас пригласят в мэрию. Будет церемония. Мэр — толстый и потный — пожмёт вам руку и скажет речь о мужестве и европейских ценностях. Вы будете стоять и кивать. Потом будет фуршет. Вам будут совать визитки. Кто-то предложит работу. Кто-то — дружбу. Мой Вам совет — не берите. И никому не верьте.

— Вам тоже?

Дюваль впервые за весь разговор посмотрел Алексею прямо в глаза — не как полицейский на подозреваемого, а как человек на человека.

— Мне — в последнюю очередь.

И ушёл, не попрощавшись. Дверь закрылась с тем же тихим щелчком. А дождь продолжал барабанить по подоконнику.

Алексей постоял у окна ещё минуту. Потом взял телефон, увидел сорок семь пропущенных вызовов и выключил звук.

Три дня спустя Алексея пригласили в мэрию XVIII округа. Он пришёл в той же одежде, что был на Монмартре, — не из принципа, а потому что другой не имел. В зале с лепниной и позолотой, среди людей в костюмах за три тысячи евро, он выглядел как случайный прохожий, который ошибся дверью. Но никто не смеялся. Видео сделало своё дело: эти руки, которые сейчас спокойно висели вдоль тела, уложили человека одним движением. Респектабельность — дело наживное, а вот репутация — нет.

Мэр действительно оказался толстым и потным. Он произнёс речь о «мужестве и европейских ценностях», и Алексей, стоя навтыяжку, считал про себя слова «европейские ценно-

сти». Насчитал шесть за четыре минуты. Потом мэр вручил ему какую-то грамоту, которую Алексей принял с каменным лицом, и зал заплотировал.

Дюваль был прав. Всё до деталей. Потом был фуршет. Шампанское, канапе, улыбки людей, которые завтра забудут его имя. К Алексею подходили, говорили слова, он кивал. Женщина в красном платье — журналистка из «Монд» — сунула визитку: «Позвоните, читатели хотят знать героя». Мужчина с часами «Патек Филипп» хлопнул по плечу: «Если нужна работа в охране — звоните, у меня сеть отелей в Ницце». Алексей складывал визитки в карман, зная, что после их выбросит.

Он заметил Дюваля не сразу. Тот стоял в углу зала, у колонны, — один, с бокалом шампанского, к которому не притронулся. Он наблюдал. Его лицо ничего не выражало, но в глазах читался приговор, вынесенный заранее и без права обжалования: цирк. Всё это цирк. А он — единственный зритель, который не купился на представление.

Когда Алексей, улучив момент, отошёл от очередного доброжелателя и оказался рядом, Дюваль произнёс негромко:

— Мэр уже три раза упомянул «европейское единство». Значит, выборы в следующем квартале.

— Вы всегда такой циничный?

— Я не циничный. Я полицейский. Это хуже. — Он покрутил бокал, глядя, как пузырьки поднимаются к поверхности и лопаются, не оставляя следа. — Видели человека, с которым вы только что говорили? Тот, с часами?

— С отелями в Ницце?

— У него нет отелей в Ницце. У него три казино и два борделя. И он только что предложил вам работу. Поздравляю, вы теперь часть парижского общества.

Алексей посмотрел на свои руки — те самые, что три дня назад ломали челюсть. Руки как руки.

— Я не ищу работу.

— А зря. — Дюваль поставил бокал на поднос проходящего официанта. — Потому что человек без работы, но с такой известностью — это либо будущий политик, либо будущий покойник. Третьего не дано.

В этот момент к ним подошёл мужчина. Высокий, загорелый, в безупречном костюме цвета антрацит. Ему было около пятидесяти, но выглядел он моложе — из тех, кто тратит на уход за собой больше, чем иные зарабатывают за год. Улыбка широкая, открытая, но в уголках глаз — что-то такое, от чего Алексею сразу захотелось проверить карманы.

— Комиссар Дюваль! — воскликнул он. — Не ожидал Вас здесь встретить. Вы же не любите светские мероприятия.

— Лоран, — сухо кивнул Дюваль. — Я и сейчас не люблю.

— А вы, должно быть, тот самый герой? — Мужчина повернулся к Алексею, и улыбка стала ещё шире, если это вообще было возможно. — Лоран Мерсье. Бизнес. Логистика. Инвестиции. Я видел видео. Впечатляет. Удар — просто произведение искусства. Где вы так научились?

— В школе, — сказал Алексей.

Мерсье рассмеялся — громко, почти искренне, но Дюваль заметил, как на секунду что-то мелькнуло в его глазах. Что-то оценивающее и очень, очень холодное.

— Скромность украшает. Но я не просто так подошёл. — Он понизил голос до конфиденциального, хотя никто вокруг не слушал — все были заняты шампанским и собственным отражением в бокалах. — Мне нужен консультант по безопасности. У меня большие грузопотоки, и, сами понимаете, время беспокойное. Страховки, риски. Я хорошо плачу. Очень хорошо.

Алексей посмотрел на Дюваля. Тот едва заметно покачал головой — движение такое лёгкое, что его можно было принять за тик. Но Алексей понял.

— Спасибо за предложение, — сказал он. — Я подумаю.

— Конечно-конечно. — Мерсье достал визитку из внутреннего кармана пиджака — бумага была плотная, с тиснением, пахла дорогим типографским станком. — Позвоните в любое время. И ещё раз — моё восхищение. Такие люди, как вы, нужны Парижу.

Он отошёл, растворяясь в толпе гостей, — лёгкий, почти невесомый, как человек, который привык ходить по паркету, но никогда не оставлять следов.

— Не звоните ему, — сказал Дюваль, когда Мерсье отошёл на достаточное расстояние.

— Почему?

— Потому что он не прощает отказа. А вы уже отказали.

— Я сказал, что подумаю.

— Именно. Для Лорана Мерсье «я подумаю» — это отказ. Он привык, что люди говорят «да» раньше, чем он заканчивает предложение. — Дюваль помолчал, провожая взглядом антрацитовый костюм. — Вы ему понравились. И это плохо.

— Плохо — когда нравишься врагу. А я ему никто.

— Вот именно. — Дюваль повернулся и впервые за вечер посмотрел Алексею прямо в глаза. — Вы ему никто. Пока. Но он Вас запомнил. А Мерсье имеет привычку возвращаться к тем, кого запомнил. И поверьте моему опыту: лучше бы он вас забыл.

За окнами мэрии догорал закат. Где-то далеко, на Монмартре, туристы фотографировались на фоне Стены любви — синей керамики, на которой кто-то закрасил красную надпись. Коммунальные службы уже смыли краску, и теперь триста языков снова говорили о любви, как будто ничего не случилось.

Но кое-что случилось.

В Париже появился человек - иностранец, который не умел проходить мимо. И Париж ещё не знал, что с этим делать.

Глава 3.

Сентябрь пришёл в Париж незаметно, как приходят все важные вещи — без предупреждения, без стука, просто однажды утром ты просыпаешься и понимаешь, что воздух пахнет иначе. Туристы поредели, но не исчезли — на смену американцам и японцам пришли европейцы, более тихие, менее заметные. Листья на платанах ещё держались, но уже появился тот особый оттенок зелёного, который бывает только перед тем, как всё станет жёлтым.

Прошло пять недель с тех пор, как Алексей Волков защитил Стену любви.

За это время он успел: дать три интервью (нехотя, коротко, глядя в пол), отказаться от семи предложений работы (включая два от людей, которых Дюваль назвал «не просто бандитами, а бандитами с дипломом»), найти новое жильё (крошечная студия в Бельвиле, зато без вестибюля и без консьержа, который сдаёт постояльцев журналистам) и начать утро с пробежки — привычка, которую он не оставлял даже в Чечне, даже в госпитале, даже сейчас, когда бежать было не от кого.

Слава оказалась странной штукой. Она не грела и не кормила, но меняла оптику: люди на улицах узнавали его, оборачивались, иногда просили селфи. Он не отказывал, но и не поощрял. Стоял, как статуя, и ждал, пока щелчок затвора не освободит его. Девушки улыбались чуть дольше, чем нужно. Мужчины хлопали по плечу, будто он был их старым другом.

С Дювалем они виделись ещё дважды — и оба раза по инициативе комиссара. Первый раз — через неделю после фуршета. Дюваль вызвал его в участок официально, под предлогом «уточнения деталей по делу о хулиганстве на Монмартре». На деле они проговорили час в том же кабинете с видом на Сену (если встать на цыпочки и вытянуть шею). Говорили не о деле. Дюваль расспрашивал о Чечне — осторожно, обходными путями, как ходят по минному полю. Алексей отвечал коротко, но не уклонялся. Он понимал: комиссар проверяет его. Не как подозреваемого — как человека опасного и интересного, другого. И это было честно.

Второй раз — через три недели. Дюваль сам пришёл в Бельвиль, без предупреждения, вечером, с бутылкой вина. «Не подумайте ничего такого, Волков. Просто мимо проезжал». Это была ложь, и оба это знали. Они сидели на крошечном балконе, пили из стаканов, потому что бокалов у Алексея не было, и говорили о том, о чём говорят люди, которые видели слишком много, чтобы говорить о погоде. О войне. О смерти. О том, как трудно возвращаться. Дюваль рассказал про дело десятилетней давности — заложники в банке, снайпер, которого он не успел остановить, и мальчик, который так и не стал взрослым. Алексей слушал и молчал. Потом сказал: «Мы все носим своих мертвецов, комиссар. Разница только в том, сколько их у каждого». Дюваль кивнул, и это был первый раз, когда он не стал узнал другого русского.

Был конец сентября, и они шли вдоль набережной Сены под дождём. Дождь начался внезапно — как всё в Париже, что имеет значение. Только что небо было просто серым, и вдруг оно раскрылось, как старая рана. Сена потемнела, пошла рябью. Баржи прижались к причалам. Туристы бросились под навесы кафе, прикрывая головы картами и путеводителями.

Дюваль и Алексей не ускорили шаг. У Дюваля был зонт — старый, с погнутой спицей, но он не стал его раскрывать. У Алексея зонта не было вообще.

— Вы поэтому плащ носите? — спросил Алексей, кивая на намокшие плечи комиссара.

— Поэтому. И ещё потому, что он скрывает кобуру. В Париже сейчас неспокойно.

— А когда было спокойно?

Дюваль хмыкнул. Этот звук — короткий, сухой, похожий на треск ветки — был единственным, что заменяло ему смех.

Они шли молча. Дождь барабанил по воде, по каменным парапетам, по крышам пришвартованных барж, на которых сушилось бельё и стояли горшки с геранью. Где-то вдалеке Нотр-Дам всё ещё держал небо, несмотря на пожар, несмотря на леса, — упрямый, как сам Париж, который горел, тонул, сдавался и снова вставал.

— У меня есть предложение, — сказал Дюваль, глядя не на Алексея, а на воду.

— Слушаю.

— Неофициальное. Консультации. Вы же всё равно сидите без дела. А у меня иногда возникают ситуации, в которых ваш опыт может пригодиться.

— Какой именно опыт?

— Человека знающего как действуют люди с оружием в руках — Дюваль помолчал. — Позавчера мы брали склад в Сен-Дени. По наводке. Там оказалась засада. Двое моих ребят в больнице. Я не говорю, что вы бы это предотвратили. Но вы бы, возможно, заметили то, чего не заметили мы.

— Например?

— Например, что наводка была липовая. Например, что склад — не склад, а ловушка. Вы же в Чечне этим занимались? Засады, контрзасады, работа на опережение.

— Занимался.

— Вот.

Алексей остановился. Дождь стекал по его коротким волосам, по лбу, по скулам. Он смотрел на Сену и думал. Предложение было дельным. Не работа в охране у казиношного барона, не контракт с частной военной компанией, а что-то осмысленное. Что-то, где его навыки — те самые, которые он пытался забыть, — могли пригодиться не для убийства, а для защиты.

— Я не полицейский, — сказал он.

— Я заметил.

— И гражданства у меня французского нет.

— Будете консультантом-фрилансером. Никаких документов, никакой бюрократии. Только вы, я и мои отчёты, которые я иногда буду давать вам почитать. Неофициально. За деньги.

— Я не ради денег.

— Знаю. — Дюваль наконец посмотрел на него. — Именно поэтому я вам это и предлагаю.

Алексей вытер лицо ладонью — дождь был холодный, но не неприятный. Осенний дождь над Парижем пах иначе, чем летний: меньше круассанов, больше земли.

— Что за случай в Сен-Дени? Расскажите.

Дюваль кивнул и начал рассказывать — сухо, по-полицейски, но с деталями, которые говорили о том, что он проработал это дело лично, а не спихнул на подчинённых.

Склад был в промзоне за Сен-Дени — бетонная коробка, каких сотни. По наводке информатора, там держали партию героина. Информатор был проверенный — работал с отделом три года, дал десятки наводок, и все подтверждались. Но в этот раз что-то пошло не так.

Группа захвата вошла через северный вход в четыре утра. Внутри было темно, и это было первое, что не совпало: по данным наблюдения, на складе круглосуточно горел свет. Но группа не остановилась — слишком верили информатору, слишком хотели взять крупную партию. На складе их ждали. Не охрана, не наркоторговцы — профессионалы. Трое. Они знали схему входа, знали расположение опорных точек, знали, сколько человек в группе. Двое полицейских получили пули в бронежилеты — повезло. Третий, без жилета, — в плечо и бедро. Четвёртый отделался контузией от светового гранаты. Нападавшие ушли через южный выход, чисто, без следов. Героина на складе не было.

— Информатор? — спросил Алексей.

— Исчез. Телефон отключён. Квартира пуста.

— Значит, сдал вас.

— Похоже на то.

Они дошли до моста Менял. Дождь начал стихать, превращаясь в морось — мелкую, почти невесомую, как водяная пыль. На мосту играл аккордеонист — не тот, с Монмартра, другой, постарше, в мятой шляпе. Он играл что-то грустное, неразборчивое, но мелодия цеплялась за мокрый воздух и не хотела уходить.

— Вы уже думали об этом, — сказал Дюваль. — О двойном агенте.

— Думал.

— И что ещё думали?

Алексей остановился, опёрся локтями о парапет. Внизу Сена несла свои воды — серые, тяжёлые, с воронками от дождя.

— Думал, что это не наркоторговцы. Наркоторговцы не устраивают засады на спецназ полиции. Им это невыгодно. Слишком много шума, слишком много внимания. Это кто-то другой.

— Кто?

— Тот, кому склад был нужен не для хранения, а для спектакля. Тот, кто хотел показать: мы знаем ваши схемы, мы знаем ваших информаторов, мы можем ударить вас в любой момент. Это послание.

— Кому?

— Вам. Полиции. Отделу по борьбе с наркотиками. — Алексей повернулся к Дювалю. — Кто ведёт самые громкие дела по наркоте сейчас?

Дюваль задумался. Он достал из внутреннего кармана плаща сигарету — привычка, от которой он вроде бы отказался, но в трудные моменты забывал об этом. Закурил, пряча огонёк от дождя ладонью.

— Есть несколько. Но громкое — одно. Мы год пытаемся выйти на крупного поставщика. Кокаин. Идёт через порты Гавр и Марсель, расходится по всей Франции. У нас есть кличка — Le Fantôme. Призрак. Никто не знает, кто это. Но масштабы — как у картеля. И каждый раз,

когда мы подбираемся близко, что-то случается. Информаторы замолкают. Улики исчезают. Свидетели меняют показания. А теперь — засада.

— Призрак, — повторил Алексей. — Красиво.

— Ничего красивого. Двадцать три человека умерли от его кокаина за последний год.

Я считал.

Алексей посмотрел на Дюваля и впервые увидел не комиссара, не циника, не человека, который с детства ненавидел русских. Он увидел полицейского, который считает трупы. Который помнит цифры. Который носит своих мертвецов, как и все они.

— Я согласен, — сказал Алексей.

— На что?

— На консультации. Неофициальные. Без бумаг.

Дюваль затаился, выпустил дым. Дым смешался с дождём и исчез.

— Хорошо. Тогда начнём прямо сейчас. Что бы вы сделали на моём месте? В деле Призрака.

Алексей повернулся к реке. Аккордеонист всё играл. Сена всё текла.

— Я бы перестал искать Призрака и начал искать того, кто его покрывает.

— В каком смысле?

— В прямом. Призрак не может действовать один. У него слишком хорошая информация. Слишком быстрая реакция. Он знает ваши схемы, ваших информаторов, ваши планы. Это значит, что у него есть кто-то внутри. Не мелкий стукач. Кто-то на уровне принятия решений. Кто-то, кто сидит на совещаниях, где обсуждают операции. Кто-то, кому вы доверяете.

Дюваль молчал. Сигарета догорала. Дождь почти прекратился, и теперь над Сеной поднимался туман — лёгкий, молочный, красивый. Париж в тумане был похож на старую фотографию.

— Вы понимаете, что вы сейчас сказали? — произнёс он наконец.

— Понимаю.

— Что в моём отделе — или в мэрии, или в префектуре — сидит крот. Который сливает информацию наркокартелю. Что мы не можем доверять никому.

— Кроме меня.

— Почему я должен доверять вам?

— Потому что я русский. — Алексей усмехнулся краем рта. — У меня нет здесь своих. Мне некому сливать.

Дюваль смотрел на него долго — секунд десять, пятнадцать. Потом сделал то, чего Алексей ещё не видел. Он улыбнулся. Не тень улыбки, не намёк — настоящая, хоть и кривая, улыбка человека, который только что понял иронию ситуации, и ирония эта ему понравилась.

— Знаете, Волков, мой дед сейчас перевернулся бы в гробу. Русский — и вдруг единственный, кому я могу доверять.

— Времена меняются, комиссар.

— Меняются. Но люди — нет. — Дюваль бросил окурок в урну, промахнулся, но не стал поднимать. — Завтра пришлю вам материалы по делу Призрака. Посмотрите свежим взглядом.

— Присылайте — посмотрю.

Они постояли ещё немного, глядя на реку. Аккордеонист собрал мелочь из футляра и ушёл. Туман стучался. Где-то далеко, в Бельвиле, в пустой студии с видом на глухую стену, Алексея ждал вечер. А Дюваля — в его квартире с лепниной и голубыми — ждал завтрашний день, полный отчётов, допросов и вопросов, на которые не было ответов.

Но теперь у него был русский, который видел на два шага вперёд. И это что-то меняло. Что именно — оба пока не знали.

Октябрь в Париже — это время, когда город становится похож на старую акварель, которую забыли под дождём. Краски расплываются, контуры теряют чёткость, и даже Эйфелева башня, обычно наглая в своей железной неизбежности, теперь прячется в тумане, как стеснительная дебютантка.

Алексей сидел в кафе на улице Риволи и ждал Дюваля.

Он выбрал столик у окна — привычка, от которой не избавиться. Спиной к стене, лицом к входу, обзор на все двери и окна. Семь лет в «Альфе» научили его, что безопасность — это не паранойя, а геометрия. Правильно выбранный угол обзора может спасти жизнь. Неправильно выбранный — оборвать её.

Кафе было из тех, что называют «аутентичными»: медные стойки, зеркала в потёртых рамах, гарсон в белом фартуке, который, кажется, работал здесь ещё при де Голле. Пахло кофе, свежим круассаном и осенью — влажной, терпкой, с примесью автомобильных выхлопов и чьих-то духов. За соседним столиком пожилая пара обсуждала внука, который «опять не позвонил». У стойки мужчина в кепке читал «Фигаро» и хмурился заголовкам.

Алексей пил эспрессо — на этот раз хороший, не то что на Монмартре, — и просматривал материалы, которые Дюваль прислал накануне. Распечатки звонков. Схемы поставок. Список информаторов, погибших при странных обстоятельствах за последние полгода. Трое. Все — перед тем, как должны были дать показания. Один разбился на мотоцикле. Второй повесился в камере предварительного заключения — «самоубийство», написал следователь, и Дюваль на полях приписал от руки: «самоубийство с двумя переломами пальцев». Третий просто исчез. Как Клод Ришар.

Ришар. Алексей помнил это имя. Дюваль упоминал его — бухгалтер, пропавший в Барбесе, возможная связь с наркотой. Дело, с которого началось их негласное сотрудничество. Теперь оно лежало в той же папке, что и материалы по Призраку. Совпадение? Алексей не верил в совпадения.

Дверь кафе открылась, и вошёл Дюваль. Один, в своём бессменном мятом плаще, с которого стекала вода. Он оглядел зал, заметил Алексея, кивнул и сел напротив, не снимая плаща.

— За вами никто не шёл? — спросил Алексей.

— С чего вы взяли?

— Вы опоздали на двенадцать минут. Вы никогда не опаздываете. Значит, проверялись.

Дюваль посмотрел на него с тем выражением, которое Алексей уже научился расшифровывать: раздражение пополам с уважением.

— Вы начинаете меня пугать, Волков.

— Это взаимно, комиссар. — Алексей подвинул к нему чашку — Дюваль не заказывал, но официант, старый знакомый комиссара, уже знал, что нести: двойной эспрессо без сахара. — Рассказывайте. Что-то случилось.

— С чего вы взяли?

— У вас лицо человека, который не спал ночь.

Дюваль взял чашку, сделал глоток, поморщился — кофе был слишком горячий, но он не стал ждать, пока остынет.

— Вчера в Марселе взяли курьера с двумя килограммами кокаина. Он согласился сотрудничать. Назвал имя — связующее звено между портом и дистрибьюторами в Париже. Мы готовили операцию, но...

— Он умер.

— Хуже. Он передумал. Сегодня утром отказался от показаний. Сказал, что оговорил человека под давлением. Теперь адвокат требует освобождения под залог, и мы ничего не можем сделать. А человек, которого он назвал, уже знает, что его сдали. Через неделю он исчезнет, и мы снова останемся с пустыми руками.

— Кто вёл допрос?

— Я.

— Вы?

— Да. Лично. Без протокола, без свидетелей. Я обещал ему защиту, новую личность, переезд. Он согласился. А утром прислал адвоката и заявление, что я на него давил.

Алексей откинулся на спинку стула. За окном шёл дождь — мелкий, нудный, октябрьский. По стеклу ползли капли, искажая улицу, делая прохожих размытыми тенями.

— Значит, кто-то добрался до него ночью.

— Камера была под наблюдением. Никто не входил.

— Тогда кто-то добрался до него до того, как вы взяли его. Или у него была связь снаружи. Телефон? Записка? Адвокат?

— Адвокат пришёл утром. До этого — никого.

— Значит, адвокат.

Дюваль поставил чашку на стол — слишком резко, кофе выплеснулся на блюдце. Гарсон обернулся, но комиссар махнул рукой: всё в порядке.

— Вы понимаете, что вы говорите? Адвокат — член коллегии. Уважаемый человек. Если он связан с Призраком, то это значит...

— Что Призрак — не просто наркоторговец. Это система. Со своими людьми в полиции, в судах, в коллегии адвокатов. Вы же сами это подозревали.

— Подозревал. Но одно дело — подозревать, другое — знать.

— Теперь знаете.

Дюваль долго молчал. Он смотрел на дождь, на прохожих, на город, который он любил и которому служил тридцать лет, и в его глазах было что-то, чего Алексей раньше не видел. Не страх — скорее, усталость. Глубокая, как Сена в половодье, усталость человека, который понял, что враг — не снаружи, а внутри. Что он сидит с тобой за одним столом, пьёт с тобой кофе, жмёт тебе руку на совещаниях. И ты никогда не знаешь, кто он.

— Что вы предлагаете? — спросил он наконец.

— Для начала — перестать доверять всем, кроме меня.

— Кроме вас?

— Да. Я — единственный, у кого нет доступа к вашим секретам. И единственный, кому невыгодно, чтобы вы проиграли.

— Почему?

— Потому что если вы проиграете, я останусь без работы. А мне нравится моя работа.

Дюваль хмыкнул — своим трескучим звуком. Но в этот раз в нём было меньше цинизма и больше чего-то ещё. Может быть, благодарности.

Они просидели в кафе ещё час. Алексей разложил на столе бумаги — схемы, распечатки, карту порта. Дюваль смотрел, как он работает: быстро, сосредоточенно, без лишних движений. Пальцы двигались по карте, как у хирурга, — от точки к точке, выстраивая логистику, которой не было в официальных отчётах.

— Смотрите, — говорил Алексей. — Вот порт Гавр. Вот Марсель. Груз приходит сюда и сюда. Но дальше — он не идёт напрямую в Париж. Это было бы слишком просто. Между портами и столицей есть перевалочные пункты. Склады. Фермы. Гаражи. Кто-то должен их арендовать, кто-то — охранять. Это десятки людей. Ими нужно управлять. Кто-то координирует потоки.

— Призрак.

— Призрак — верхушка. Но под ним есть среднее звено. Люди, которые знают маршруты. Которые нанимают водителей. Которые снимают склады. Если мы не можем добраться до Призрака, давайте доберёмся до них. Найдите слабое звено — и цепь порвётся.

— Как найти?

— Через деньги. Наркотики — это бизнес. Огромные суммы проходят через банки, через подставные фирмы, через офшоры. Но где-то они касаются реального мира. Кто-то покупает недвижимость. Кто-то — машины. Кто-то проигрывает в казино. Найдите человека, который живёт не по средствам, и вы найдёте звено цепи.

Дюваль кивнул. Он уже думал об этом, но слушать чужие мысли было полезно — они либо подтверждали его собственные, либо указывали на то, что он упустил. В этот раз они совпадали.

— Есть один человек, — сказал он. — Мелкий коммерсант из Сен-Дени. У него сеть автомоек — три штуки.оборот — копеечный. Но при этом он купил дом в Ницце за полтора миллиона евро. И ездит на «Бентли».

— Автомойки — классика. Через них удобно отмывать наличные.

— Я тоже так подумал. Но у нас нет оснований для обыска. Судья не даст ордер на основании «он слишком богат для автомойщика».

— Судья тоже может быть частью системы?

Дюваль помолчал. Потом кивнул — медленно, тяжело, как кивают люди, которые только что приняли реальность, которую давно подозревали.

— Тогда действуем в обход, — сказал Алексей. — Неофициально.

— Что вы предлагаете?

— Я предлагаю съездить в Сен-Дени и посмотреть на эти автомойки. Просто посмотреть. Без ордера, без протокола. Два человека на прогулке.

— Это незаконно.

— Как и многое из того, что мы уже делаем.

Дюваль задумался. Потом достал бумажник, бросил на стол купюру — больше, чем нужно, но он всегда так делал.

— Поехали.

Сен-Дени встретил их шумом и грязью. Это был не тот Париж, который показывают в открытках. Не тот, где Эйфелева башня сияет в полночь, а влюблённые целуются на мосту Искусств. Это был Париж окраин — бетонный, многоэтажный, многоязыкий. Здесь говорили на арабском, на урду, на румынском, на десятке африканских наречий. Здесь пахло жареным луком, автомобильным маслом и тревогой.

Автомойка называлась «Блеск» — иронично, потому что ничего блестящего в ней не было. Облупленная вывеска, грязный бокс, двое рабочих в робах, которые лениво тёрли чей-то минивэн. На парковке стоял «Бентли» — чёрный, сверкающий, абсолютно чужеродный этому месту, как бриллиант в куче щебня.

Дюваль припарковал машину через дорогу.

— Это он, — сказал комиссар. — Владелец. Жан-Клод Бриссон. Пятьдесят два года. Три судимости в молодости — кражи, мошенничество. Потом остепенился, открыл автомойки. Живёт тихо. Но «Бентли»...

— ...кричит громче, чем он думает.

Они сидели в машине и смотрели. Дождь барабанил по крыше, стекал по стёклам. Дворники работали ритмично, как метроном.

— Бриссон не похож на мозг операции, — сказал Алексей. — Он исполнитель. Скорее всего, через него проходят наличные. Кто-то более умный организовал схему, а он просто получает процент.

— Кто?

— Тот, у кого есть легальный бизнес с большим оборотом наличных. Рестораны. Клубы. Казино. Отели. Что-то, где можно зависить выручку и пропустить через неё грязные деньги.

— Мерсье, — сказал Дюваль, и это был не вопрос.

— Мерсье, — подтвердил Алексей. — У него логистика, инвестиции, игорный бизнес. И он был на том фуршете. И он предложил мне работу. Вы сами сказали — он не прощает отказа.

Дюваль молчал. Он смотрел на автомойку, на «Бентли», на рабочих, которые не подозревали, что за ними наблюдают. Его лицо было неподвижным, но под этой маской шла работа — быстрая, напряжённая, как у компьютера, который обрабатывает слишком много данных.

— Если Мерсье и есть Призрак, — сказал он наконец, — то мы имеем дело не просто с наркобароном. Мерсье вхож в мэрию. Он спонсирует избирательные кампании. Он дружит с депутатами. Его жена — племянница бывшего министра внутренних дел. Тронуть его — это как тронуть паутину: дёрнется всё.

— Значит, не будем трогать паутину. Будем искать паука.

— И что вы предлагаете?

Алексей достал телефон, сфотографировал автомойку, номер «Бентли», лица рабочих — быстро, незаметно, через стекло.

— Для начала — узнать, кто ещё связан с Бриссоном. Потом — проследить за ним. Потом — найти слабое место и надавить.

— Это незаконное наблюдение.

— Вы уже четвёртый раз говорите «это незаконно», комиссар. И при этом не уезжаете.

Дюваль повернул ключ зажигания. Двигатель заурчал.

— Едем отсюда. Пока нас не заметили.

— И всё?

— И всё. На сегодня хватит. — Он вырулил на дорогу. — Но завтра я запрошу налоговую по Бриссону. И по Мерсье. Тихо, через своих. И начну копать.

— Вот это уже похоже на план.

Машина ехала по мокрым улицам Сен-Дени, мимо серых многоэтажек, мимо мечети с зелёным куполом, мимо рынка, где торговали всем — от специй до поддельных часов. Дождь не прекращался. Париж в октябре был похож на человека, который давно не высыпается: серое лицо, тёмные круги под глазами, медленные, тяжёлые мысли.

— Волков, — сказал Дюваль, не отрывая взгляда от дороги.

— Да?

— Будьте осторожны с Мерсье. Он опасен. Не физически — у него есть люди для этого. Он опасен тем, что умеет ждать. Он тогда, на фуршете, не просто так к вам подошёл. Он вас оценил. И если он решит, что вы — угроза, он начнёт действовать. Не сразу. Не прямо. Но начнёт.

— Я учту.

— Нет, не учтёте. Вы, русские, никогда не учитываете. Вы думаете, что если пережили две чеченские кампании, то парижский бизнесмен с деньгами — это не проблема. Но это проблема. Самая опасная из всех.

— Почему?

— Потому что у него есть деньги и связи. Он уничтожит любого до того, как ему подадут ланч.

Алексей посмотрел на Дюваля. Тот всё ещё смотрел на дорогу, но желваки на скулах ходили ходуном. Комиссар говорил из опыта. Из горького, личного, выстраданного опыта.

— Спасибо, — сказал Алексей.

— За что?

— За предупреждение. И за то, что не бросили меня тогда, в отеле.

Дюваль хмыкнул.

— Я не вас не бросил. Я себя не бросил. Мне с собой жить.

Машина въехала в тоннель, и на несколько секунд стало темно. Потом — снова свет, серый, дождливый, парижский. Город продолжал жить своей жизнью, не зная, что два человека в старом «Ситроене» начали копать под систему, которая проглотит их, если они ошибутся.

Глава 5.

Ноябрь. Серое небо висит так низко, что, кажется, до него можно дотянуться рукой — если встать на цыпочки и очень захотеть. Деревья на бульварах стоят голые, чёрные, похожие на вены на теле города. Сена стала свинцовой, тяжёлой, и даже туристы на кораблицах кутаются в шарфы и не делают фотографий. Париж в ноябре — это город, который помнит всё, что потерял, и не ждёт ничего нового.

Три недели прошло с тех пор, как Дюваль и Алексей съездили в Сен-Дени. За это время многое изменилось — и одновременно ничего. Дюваль через своих людей в налоговой получил данные по Бриссону: автомойки приносили убыток третий год подряд, но сам Бриссон при этом купил не только дом в Ницце, но и квартиру в Куршевеле, и яхту, пришвартованную в Марселе. Не «Бентли» даже — «Бентли» был мелочью. Общий объём необъяснимых расходов за пять лет превышал восемь миллионов евро.

С Мерсье было сложнее. Его бизнес — логистическая компания «Меридиан», сеть отелей на Лазурном берегу, инвестиционный фонд в Люксембурге — выглядел безупречно. Налоги платились вовремя. Отчётность была прозрачной. Связи — обширными, но законными. Если Мерсье и был Призраком, он хорошо прятался. Слишком хорошо для человека, который не привык проигрывать.

— Такие не прячутся, — сказал Дюваль, когда они сидели в его кабинете и разбирали бумаги. — Такие строят лабиринт и смотрят, как ты в нём блуждаешь.

Вечер пятницы, и Алексей шёл по улице Бельвиль к своему дому. Он возвращался из библиотеки — странное место для бывшего спецназовца, но он проводил там всё больше времени. В библиотеке было тихо. Там пахло старыми книгами и временем — двумя вещами, которые он уважал. Он читал французские газеты за последние полгода, выискивая заметки, связанные с наркотиками, с полицейскими операциями, с политическими скандалами. Дюваль дал ему доступ к базам, но газеты давали другое — контекст. Настроение. То, что нельзя найти в полицейских отчётах.

Вечер был холодный. С Темзы, то есть с Сены, тянуло сыростью — той особенной парижской сыростью, которая проникает под кожу и холодит весь день, пока не под теплым душем. Алексей поднял воротник куртки и ускорил шаг. До дома оставалось два квартала.

Он заметил машину не сразу. Чёрный «Мерседес» с тонированными стёклами стоял у его подъезда. Двигатель работал — из выхлопной трубы поднимался пар, смешиваясь с туманом. Алексей знал эту машину. Он видел её раньше — у мэрии, в день фуршета. Тогда за рулём сидел водитель, а на заднем сиденье — Мерсье.

Задняя дверь открылась, и из машины вышел Лоран Мерсье. Он был одет не так, как на фуршете. Никакого антрацитового костюма, никакого тиснения на визитках. Тёмное пальто, кашемировый шарф, кожаные перчатки. Он выглядел как человек, который только что вышел из оперы или дорогого ресторана, — и при этом стоял на грязной улице Бельвиля, среди мусорных баков и граффити, как будто это было самое естественное место на земле.

— Мсье Волков, — сказал он, и улыбка его была такой же широкой и такой же фальшивой, как в прошлый раз. — Добрый вечер.

— Мсье Мерсье, — Алексей остановился, но не подошёл ближе. Три метра — безопасная дистанция. Даже с тонированными стёклами, даже с водителем, который не выходит из машины. — Какими судьбами в Бельвиле? Это не ваш район.

— Я искал вас.

— Нашли.

Мерсье рассмеялся — легко, почти искренне, но Алексей уже знал этот смех. Он был частью спектакля.

— Вы прямолинейны, Волков. Мне это нравится. В Париже слишком много людей, которые говорят одно, думают другое, а делают третье. С вами проще.

— Что вам нужно?

— Поговорить. — Мерсье оглянулся на машину, на водителя, который сидел неподвижно, как статуя. — Здесь неудобно. Может быть, поднимемся к вам? Или, если хотите, можем проехать в одно место. У меня есть ресторан недалеко, тихий, без лишних ушей.

— Говорите здесь.

— Хорошо. — Мерсье перестал улыбаться. Это произошло мгновенно, как будто кто-то выключил свет. — Я знаю, что вы работаете с Дювалем.

— Я не работаю с Дювалем.

— Не лгите мне. Вы консультируете его. Неофициально. По делу о наркотиках. Вы были в Сен-Дени три недели назад. Вы смотрели на автомойку Бриссона. И вы копаете под меня.

Алексей молчал. Он мог бы отрицать, но это было бессмысленно. Мерсье знал. Знал детали. Знал маршрут. Это означало одно из двух: либо за Дювалем следили, либо в участке был крот, который докладывал Мерсье о каждом шаге комиссара. И то и другое было плохо.

— Я не буду угрожать вам, — продолжал Мерсье. — Угрозы — это для слабых. Я просто хочу, чтобы вы поняли ситуацию, в которой оказались.

— Я слушаю.

— Дюваль — хороший полицейский. Честный. Упрямый. Он копает под меня уже два года. У него ничего нет и не будет. Не потому, что я такой умный, а потому, что система, в которой он работает, не хочет, чтобы он меня нашёл. Я — часть этой системы. Я даю деньги. Я дружу с министрами. Я обедаю с судьями. Если Дюваль нападёт на меня, он проиграет. Не потому, что я сильнее, а потому, что он один, а за мной — весь Париж. Весь тот Париж, который вы видите на открытках.

— Зачем вы мне это говорите?

— Потому что вы — не Дюваль. Вы — человек со стороны. Вы не связаны бюрократией, присягой, долгом перед Францией. Вы можете уйти в любой момент. И я предлагаю вам уйти.

— А если я не уйду?

Мерсье посмотрел на него. В его глазах не было злобы — было что-то другое. Любопытство. Как у человека, который смотрит на редкое животное в зоопарке и думает: интересно, оно укусит или нет?

— Если вы не уйдёте, — сказал он тихо, — я уничтожу вас. Не физически — что вы, я не бандит. Я уничтожу вашу репутацию. Ваше имя. Завтра в газетах появится статья: русский наёмник, бывший спецназовец, замешан в наркоторговле. У меня есть возможности, которые вам и не снились. Вы станете не героем Монмартра, а изгоем. Депортация будет лучшим, что с вами случится.

— Это всё?

— Нет. Ещё я уничтожу Дюваля. Он потеряет работу, пенсию, репутацию. Его сын, который играет в футбол по субботам, узнает, что его отец — коррумпированный полицейский, который брал взятки у русской мафии. У него не останется ничего. И кто знает как устроится жизнь у мальчика в будущем. Вы можете это недопустить — уходите!

Алексей почувствовал, как внутри что-то сжалось. Не страх. Ярость. Холодная, спокойная ярость, которую он не испытывал с чеченских времён. Он смотрел на Мерсье и думал о том, что этот человек только что угрожал не ему — угрожал сыну Дюваля, шестнадцатилетнему парню, который понятия не имеет как сложно устроен мир. И как легко в нем могут опорочить имя его отца.

— Вы закончили? — спросил Алексей.

— Да.

— Тогда слушайте меня. Я не уйду. Дюваль не уйдёт.. Мы найдём ваши счета, ваши склады, ваших курьеров, ваших грязных судей и ваших грязных адвокатов. Мы найдём всё. И когда мы найдём — я лично приду за вами. Не как консультант. Как тот, кого вы назвали наёмником. И тогда ваши министры и ваши судьи вам не помогут. Потому что я не в вашей системе. Меня не так то легко остонавить, как вам могло показаться.

Мерсье молчал. Улыбка исчезла окончательно. Теперь его лицо было похоже на маску — застывшую, безжизненную, как у восковой фигуры в музее.

— Это ваше последнее слово? — спросил он.

— Последнее будет, когда я приду за вами.

Мерсье кивнул — медленно, задумчиво. Потом повернулся и пошёл к машине. Водитель открыл дверь. Мерсье сел, и «Мерседес» растворился в тумане — так же бесшумно, как появился.

Алексей постоял ещё минуту, глядя ему вслед. Потом достал телефон.

— Дюваль? Нужно встретиться. Сейчас. Мерсье только что был у моего дома.

Дюваль приехал через сорок минут. Не в участок — они договорились встретиться в пельменной. Той самой, которую Дюваль показал Алексею месяц назад, — крошечной забегаловке в Латинском квартале, которой владела пожилая русская пара. Пельменная называлась «У Михалыча», и это было единственное место в Париже, где пахло не круассанами, а уксусом, сметаной и чем то своим для Алексея.

Алексей сидел за угловым столиком, спиной к стене, и ждал. Перед ним стояла тарелка пельменей, к которым он не притронулся. Рядом — стакан чая. Чай уже остыл.

Дюваль вошёл, стряхнул воду с плаща и сел напротив.

— Рассказывайте.

Алексей рассказал. Дюваль слушал, не перебивая. Когда Алексей дошёл до угрозы про сына, желваки на его скулах заиграли с такой силой, что, казалось, пробьют кожу.

— Он упомянул Эмиля? — переспросил Дюваль, и голос его был тих, как шёпот перед грозой.

— Да. Он знает про футбол в субботу.

Дюваль закрыл глаза. На секунду. На две. Потом открыл.

— Значит, он следил не только за мной. Он следил за моей семьёй.

— Похоже на то.

— Это война.

— Это была война с самого начала, комиссар. Просто теперь вы это знаете.

Дюваль подозвал официантку — женщину лет шестидесяти, с добрым лицом и руками, которые знали, что такое труд. Заказал водки. Себе и Алексею. Водку принесли в гранёных стопках — настоящих, советских, из какой-то другой жизни.

— Мерсье сделает то, что обещал, — сказал Дюваль, выпив. — Он начнёт с прессы. Потом подключит своих людей в полиции. Потом — суд. У него есть ресурсы. У нас — ничего, кроме бумаг, которые ничего не доказывают.

— Значит, нужно добыть доказательства раньше, чем он нанесёт удар.

— Как?

Алексей взял стопку. Посмотрел сквозь неё на свет — водка была чистая, прозрачная, как слеза.

— Бриссон. Автомойщик. Он — слабое звено. Если мы возьмём его и заставим говорить, он выведет нас на Мерсье.

— Заставить? Вы предлагаете пытаться?

— Нет. Я предлагаю испугать. Человек, который купил дом в Ницце и яхту в Марселе, боится двух вещей: потерять деньги и сесть в тюрьму. Если мы предложим ему сделку —

информация в обмен на иммунитет, — он сдаст Мерсье. Но для этого нам нужно доказать, что он замешан.

— У нас есть налоговая. Счета. Расходы.

— Этого мало. Нужно связать его с наркотиками напрямую.

— И как вы предлагаете это сделать?

Алексей поставил стопку на стол. Посмотрел Дювалю в глаза.

— Я предлагаю внедриться.

— Куда?

— В его сеть. Бриссон нанимает людей для автомоек. Разнорабочих. Нелегалов. Тех, кто не задаёт вопросов. Если я устроюсь туда на пару недель...

— Нет.

— Почему?

— Потому что это опасно. Потому что Мерсье знает вас в лицо. Потому что Бриссон может вас узнать — вы же теперь знаменитость.

— Мерсье знает меня без бороды и в нормальной одежде. Бриссон видел меня только на видео. Никто не узнает русского разнорабочего с трёхдневной щетиной и в грязной робе. А даже если узнают — у меня есть подготовка. Я смогу уйти.

— Вы нелегал. У вас нет прикрытия. Если вас возьмут — я не смогу вас вытащить. Я вообще не смогу признать, что знаю вас.

— Меня устраивает.

Дюваль долго смотрел на него. В пельменной было тихо. Где-то на кухне Михалыч гремел кастрюлями. Его жена, тётя Люба, протирала стойку и напевала что-то из старого советского кино. За окном шёл дождь — бесконечный ноябрьский дождь, который начался, казалось, ещё до их рождения и кончится только после их смерти.

— Вы сумасшедший, — сказал Дюваль.

— Вы тоже. Иначе бы не сидели здесь со мной.

Дюваль налил себе ещё. Выпил.

— Две недели. У вас будет две недели. Если за это время вы не найдёте ничего конкретного — вы выходите. Если вас раскроют — вы выходите немедленно. Никакой самодеятельности. Никакого геройства. У вас нет прикрытия, нет оружия, нет ничего. Только я — и я буду ждать вашего звонка каждый вечер в девять. Если вы не позвоните — я поднимаю тревогу.

— Договорились.

— И последнее. — Дюваль достал из кармана плаща конверт. — Здесь немного наличных. На первое время.

— Вы же мне уже платите как консультанту.

— Это не зарплата. Это... — Он запнулся. — Это на случай, если вам понадобится быстро уехать.

Алексей взял конверт. Он был пухлый. Слишком пухлый для «немного наличных».

— Это всё, что у вас было?

Дюваль не ответил. Он смотрел в окно, на дождь, на серый Париж, который ничего не обещал и ничего не прощал.

— Берегите себя, Волков, — сказал он наконец. — Вы единственный русский, которого я не хочу потерять.

И впервые за всё время их знакомства в его голосе не было ни цинизма, ни сарказма. Только усталость. И, может быть, чуть-чуть надежды.

Глава 6.

Лоран Мерсье не верил в совпадения. В бизнесе, которым он занимался последние пятнадцать лет, совпадений не бывает. Бывают плохо продуманные операции, бывают предательства, бывают случайности, которые на самом деле — чьи-то ошибки. Но совпадений — нет.

Поэтому, когда утром в четверг ему доложили, что русский устроился мойщиком к Бриссону, Мерсье не удивился. Он разозлился. Но не удивился.

Он сидел в своём кабинете на авеню Монтень и смотрел на фотографию, которую прислали с утреннего наблюдения. Русский — в грязной робе, с щетиной, похожий на сотню других нелегалов, которые моют машины, красят заборы и роют канавы по всей Франции. Но Мерсье видел не робу. Он видел стойку — чуть расслабленную, но готовую в любую секунду собраться в удар. Так стоят люди, которые привыкли, что опасность приходит без предупреждения.

— Идиот, — сказал Мерсье вслух.

Он не уточнил, кого имеет в виду — Волкова, Бриссона или себя самого за то, что связался с обоими.

В кабинет вошла Адель, его личный ассистент — женщина лет сорока, с лицом римской статуи и голосом, который мог заморозить шампанское на расстоянии.

— Мсье Фурнье ждёт в приёмной.

— Пусть ждёт.

— Он ждёт уже двадцать минут. Он нервничает.

— Он всегда нервничает. Поэтому он адвокат, а не прокурор. Скажи, что я принимаю солнечные ванны.

— Окна выходят на север, мсье.

— Тем лучше. Безопасный загар.

Адель вышла, не изменившись в лице. Мерсье ценил её именно за это — за способность принимать любую чушь, которую он нёс, с выражением полной невозмутимости. Хороший ассистент — это как хороший громоотвод: принимает удар на себя и не задаёт вопросов.

Он снова посмотрел на фотографию. Волков. Человек, который за два месяца превратился из туриста в проблему. Мерсье знал, что нужно делать с проблемами. Проблемы нужно решать быстро, пока они не стали катастрофами. Но этот случай был особенным.

Волков работал с Дювалем. Дюваль — старый, упрямый, неподкупный комиссар, который копал под него уже два года. Если убрать Волкова сейчас, это подтвердит, что они на верном следу. Если не убирать — он продолжит копать. Дилемма.

Мерсье встал, подошёл к окну. За окном Париж жил своей жизнью — дорогой, туристической, равнодушной. По авеню Монтень шли женщины с пакетами из бутиков. Швейцары распахивали двери перед гостями отелей. Где-то далеко, в Сен-Дени, русский мыл машины и притворялся украинцем.

— Значит, хочешь поиграть в шпионов, — пробормотал Мерсье. — Хорошо. Поиграем.

Он вернулся к столу и нажал кнопку интеркома.

— Адель, пригласи мсье Фурнье. И ещё — найди мне досье на всех сотрудников автомоек Бриссона. Всех до единого. И скажи Жан-Люку, чтобы заехал вечером. Есть работа.

— Жан-Люк в Марселе, мсье.

— Значит, пусть вылетает. Дело срочное.

Он отключил связь и откинулся в кресле. Кресло было кожаное, глубокое, стоило как подержанный автомобиль. Мерсье закрыл глаза и представил себе шахматную доску. Дюваль — ферзь. Волков — ладья, которая пришла с края доски и теперь угрожает его слону. Бриссон — пешка, которую не жалко потерять. А он сам — король. Король, который не ходит быстро, но определяет правила игры.

— Шах, — сказал он в пустоту. — Ваш ход, господа.

Алексей мыл машины третью неделю. Он научился ненавидеть хлорку. Она въедалась в кожу, в ногти, в нос — даже ночью, лёжа в своей студии, он чувствовал её запах. Казалось, он теперь навсегда будет пахнуть автомойкой, как другие пахнут духами или табаком. Руки стали

грубыми, на ладонях появились мозоли — старые, спецназовские, давно сошли, но эти были другие. Мозоли мирного времени.

Работа была простая, тупая, нудная. Принять машину. Ополоснуть. Нанести пену. Смыть. Вытереть. Принять следующую. За день через бокс проходило максимум десять машин — от раздолбанных «Рено» до блестящих «Мерседесов», за рулём которых сидели люди, не замечающие мойщиков. Алексей к этому привык. Быть невидимым — полезный навык.

Бриссон заходил редко. Появлялся раз в два-три дня, проверял кассу, хмурился, уезжал. Иногда оставлял указания. Иногда — просто молча стоял и смотрел, как работают мойщики. В такие моменты Алексей чувствовал спиной его взгляд — не враждебный, но оценивающий. Как будто Бриссон что-то про себя решал.

С остальными работниками Алексей почти не общался. Их было четверо. Два араба — молчаливые, держались вместе, молились в подсобке в перерывах. Один румын — шумный, постоянно рассказывал про свою деревню и про то, как он вернётся туда богатым. И старый француз по имени Жерар, который работал на автомойке уже шесть лет и, кажется, знал о Бриссоне больше, чем говорил.

Жерар стал его первой зацепкой.

— Ты не украинец, — сказал он Алексею на пятый день, когда они курили за боксом. Вернее, курил Жерар. Алексей просто стоял рядом и дышал воздухом, в котором выхлопных газов было больше, чем кислорода.

— Почему?

— Украинцы, они другие. Они суетятся. Всё время хотят доказать, что они не русские. А тебе плевать.

— Может, мне просто лень.

— Может. — Жерар затаился. У него было лицо человека, которого жизнь была долго и с удовольствием, но так и не добила. Глубокие морщины, жёлтые зубы, глаза — выцветшие, как старые джинсы. — Но я тебе так скажу: Бриссону тоже плевать, кто ты. Ему главное, чтобы ты не задавал вопросов.

— А кто задаёт?

— Никто. Потому что те, кто задают, долго не работают. — Жерар выпустил дым через нос — две серые струи, как у дракона на пенсии. — Здесь платят больше, чем на других мойках. И не спрашивают документы. Значит, есть причина.

— Какая?

Жерар посмотрел на него долгим взглядом. Таким, каким смотрят люди, которые понимают больше, чем говорят, и говорят меньше, чем знают.

— Не лезь, парень. Работай, получай деньги, не задавай вопросов. Здесь это правило номер один.

— А правило номер два?

— Правило номер два: если видишь что-то странное — ты ничего не видел. — Жерар бросил окурок в ведро с водой. Окурок зашипел и погас. — Особенно по ночам. Особенно в пятницу.

— Что в пятницу?

Но Жерар уже ушёл.

В пятницу вечером Алексей решил задержаться. Он сказал Бриссону, что готов взять ночную смену — подменить румына, который жаловался на спину. Бриссон посмотрел на него подозрительно — но не слишком. Жадность, как и ожидалось, победила бдительность.

— Ладно. Но смотри: в бокс не заходить после десяти. Только если клиент. Понял?

— Понял.

— И если кто-то приедет — ты их не видел.

— Кого «кого-то»?

— Никого. Потому что ты их не видел. — Бриссон сверкнул глазами — и в этом взгляде было что-то, чего Алексей раньше не замечал. Страх. Бриссон боялся не Алексея. Он боялся тех, кто приезжал по ночам.

К десяти вечера автомойка опустела. Румын ушёл, прихрамывая и жалуясь на жизнь. Арабы ушли ещё раньше. Жерар хлопнул Алексея по плечу и сказал: «Не геройствуй, украинец» — и тоже исчез в ночи.

Алексей остался один. Он сидел в подсобке, пил растворимый кофе из пластикового стаканчика и ждал. Подсобка была крошечная — стол, стул, календарь с голой женщиной за прошлый год, шкафчик с моющими средствами. На стене — трещина, похожая на карту Южной Америки. Алексей смотрел на неё и думал о том, как странно устроена жизнь. Три месяца назад он пил кофе на Монмартре и не хотел ни во что вмешиваться. Теперь он сидит на автомойке в Сен-Дени, пахнет хлоркой и ждёт неизвестно чего.

«Ты сам это выбрал, Волков», — сказал он себе.

«Нет, — ответил другой голос, тот самый, с Монмартра. — Ты просто не мог иначе. Это разные вещи».

В одиннадцать тридцать на парковку въехал фургон. Белый, без опознавательных знаков. Чистый — слишком чистый для фургона, который ездит по парижским пригородам. Алексей выключил свет в подсобке и подошёл к окну. Через жалюзи было видно плохо, но достаточно.

Из фургона вышли двое. Молодые, коротко стриженные, в тёмной одежде. Спортивные фигуры. Двигались слаженно, как люди, которые работали вместе не первый год. Они открыли задние двери фургона и начали выгружать коробки — картонные, без маркировки, но явно тяжёлые.

Бриссон вышел из своего кабинета. Он был напряжён — это чувствовалось даже на расстоянии. Он не шёл, а семенил, как человек, который хочет угодить и боится не успеть.

— В подвал, — сказал он тихо, но Алексей услышал. — Всё в подвал. Быстро.

Алексей знал про подвал. Там хранились моющие средства — по крайней мере, так говорил Жерар. Вряд ли это моющие средства выгружают ночью, без накладных, с фургона без номеров?

Вот оно, — подумал он. Он не стал выходить. Не стал геройствовать — как сказал Жерар, и как повторил бы Дюваль. Вместо этого он достал телефон и начал снимать. Без вспышки, через жалюзи. Качество будет плохое, но лучше, чем ничего.

Через двадцать минут фургон уехал. Бриссон закрыл подвал на ключ — Алексей заметил, что замок там новый, не как на других дверях, — и ушёл к себе.

В три часа ночи, когда всё стихло, Алексей вышел из подсобки. Он подошёл к двери подвала. Замок был серьёзный, не тот, что можно взять отмычкой. Но у него была камера телефона — он сфотографировал замок, дверь, петли. Завтра покажет Дювалю.

А пока — нужно было дожить до утра.

Утром в субботу он позвонил Дювалю. Они встретились в пельменной. Тётя Люба уже знала их в лицо и, не спрашивая, несла две порции и графин водки. Водку они не пили — было десять утра, — но графин стоял, как символ. Как память о том, что рано или поздно он понадобится.

— Подвал, — сказал Дюваль, разглядывая фотографии на телефоне. — Вы думаете, там товар?

— Не знаю. Но замок новый. И Бриссон нервничал.

— Бриссон всегда нервничает. Он из тех людей, которые боятся собственной тени.

— Эта тень приехала на белом фургоне с двумя амбалами и коробками без опознавательных знаков.

Дюваль задумался. Он вертел в руках вилку, как будто взвешивал варианты.

— Нам нужен ордер. Но если я запрошу ордер на обыск автомойки, это всплывёт в системе. И Мерсье узнает через час.

— А если без ордера?

— Вы предлагаете мне взломать подвал?

— Я предлагаю мне взломать подвал. Я там работаю. У меня есть доступ к помещению. Ночью, когда никого нет.

— Это незаконное проникновение. Если вас поймают — вы сядете.

— Если не поймают — у нас будут доказательства.

Дюваль посмотрел на Алексея долгим взглядом. Таким, каким смотрят на человека, который предлагает прыгнуть с моста, — и ты не знаешь, герой он или безумец.

— Почему вы это делаете, Волков? — спросил он наконец. — Вы не француз. Вы не полицейский. У вас нет причин рисковать.

— Есть.

— Какая?

Алексей взял пельмень, обмакнул в сметану, съел. И только потом ответил:

— Я обещал Мерсье, что надену на него наручники. А я привык держать слово.

Дюваль хмыкнул.

— Знаете, Волков, мой дед говорил: «Русские — это проблема». Он был прав. Но он не уточнил, что проблема — не всегда плохо. Иногда проблема — это то, что заставляет систему работать. — Он подвинул к себе телефон, ещё раз посмотрел на фотографии. — Хорошо. Готовьтесь. В следующую пятницу — берём подвал.

— Почему в пятницу?

— Потому что по пятницам приезжает фургон. Мы возьмём их с поличным.

Алексей кивнул. За окном пельменной шёл дождь. И казался предгрозовым.

Глава 7.

Пятница пришла быст

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.